

**«Пушкинский текст» и казахстанская пушкиниана:
направления, переводы, посвящения**

Статья посвящена направлениям казахстанской пушкинианы с позиций разных стратегий осмысления «пушкинского текста». Объектом изучения является связь песенного фольклора оренбургских казаков (казахского Приуралья) с эпитафиями в «Капитанской дочке», переводы произведений А. С. Пушкина Абаем Кунанбаевым и роль «Песни Татьяны» в казахской культуре: музыке, литературе, театре. Объектом рассмотрения является «пушкинский текст» П. Васильева. В статье приводится обзор «возвращенной» казахстанской пушкинианы: переводы произведений А. С. Пушкина репрессированными поэтами – Ш. Кудайбердиевым, М. Жумабаевым, И. Жансугуровым, Ж. Аймауытовым, К. Аманжоловым. Отдельное направление составляют посвящения Пушкину. Приведенный материал обобщается с позиций влияния на обновление казахского литературного процесса новыми героями, жанрами, стилями, переводами-переложениями.

Ключевые слова: Пушкин, пушкиниана, казахская литература, художественный перевод.

Kuralay Urazayeva, Gulnur Yerik

**"Pushkin's Text" and Kazakhstan Pushkiniana:
Directions, Translations, Dedications**

The article is devoted to the directions of the Kazakhstan pushkiniana from the standpoint of different strategies for understanding the "Pushkin text". The object of the study is the connection between the song folklore of the Orenburg Cossacks (the Kazakh Urals) and the epigraphs in "The Captain's Daughter", translations of the works of A. Pushkin by Abai Kunanbayev and the role of "Tatiana's Song" in the Kazakh culture: music, literature, theater. The object of consideration is the "Pushkin text" by P. Vasiliev. The article provides an overview of the "returned" Kazakhstan pushkiniana: translations of the works of A. Pushkin by repressed poets – Sh. Kudaiberdiev, M. Zhumabaev, I. Zhansugurov, Zh. Aimauytov, K. Amanzholov. Dedications to Pushkin are a separate direction. The given material is generalized from the position of the influence on the renewal of the Kazakh literary process by new characters, genres, styles, translations and transcriptions.

Key words: Pushkin, pushkiniana, Kazakh literature, literary translation.

Казахстанская Пушкиниана представляет собой область культуры, характеризующейся системой контактно-типологических, историко-культурных, переводческих и других связей.

В массовом читательском сознании «пушкинский текст» был сформирован беллетристикой, прежде всего советского времени. Классикой его воспринималась диалогия Н. Раевского «Если заговорят портреты», «Портреты заговорили», невероятно популярная и получившая статус бестселлера [14]. Изданные миллионными тиражами, эти книги привлекали внимание и необычной судьбой автора, для которого находки в замке Бродяны стали опытом выживания в казахстанских лагерях. Именно вокруг этих книг сосредоточена научная, философская, критическая, художественная, переводческая литература о Пушкине в Казахстане. Здесь надо назвать книги «Пушкинская тетрадь» К. Кешина, «Метель на Пушкинской площади» В. Гундарева, «Поговори мне о себе» К. Гайворонского, «Суеверный Пушкин» Е. Гусярова. Особое значение приобрели вернувшиеся в культурный и научный оборот работы репрессированной казахстанской интеллигенции – А. Байтурсынова, А. Бокейханова, И. Джансугурова, М. Дулатова, Ж. Аймауытова и др. Творчество Пушкина стало предметом научных и критических изысканий казахстанских ученых: В. Бадикова, Г. Камбарбаевой, С. Каскабасова, О. Видовой, Г. Лукпановой, Т. Чаплышкиной, В. Мищенко, Л. Сафроновой, З. Поляк, Р. Нуртазиной, С. Мансуровой и многих других. Обобщением истории казахстанской пушкинианы стала книга С. Ананьевой «Казахстанская Пушкиниана. Последняя четверть XX века – первое десятилетие XXI» [2].

Научная рецепция в составе казахстанской пушкинианы характеризуется вниманием к методологии исследования творчества Пушкина. О важности новых подходов к изучению казахской литературы как истории рецепций, «каждая последующая из которых должна учитывать опыт всех предыдущих», пишут современные ученые [8, с. 40]. В этом ряду следует выделить диссертацию С. Абдрахманова, посвященную казахским переводам романа А. Пушкина «Евгений Онегин» [18]. Автором труда осуществлен сопоставительный анализ переводов Абая Кунанбаева, И. Джансугурова, А. Найманбаева, К. Шангытбаева. Ученый выделил две тенденции в переводах «Евгения Онегина»: народные дастаны¹, созданные как подражание жанру назира, распространенному в персидской классической поэзии, и переводы, сделанные Абаем. Исследователь обратил внимание на верность Абая оригиналу в части

¹ Малый эпический, героический или романтический жанр в литературах народов Востока.

идей и характеров персонажей, адаптацию переводчиком романа Пушкина к представлениям, менталитету жителей степи. Ученый также объяснил популярность «Евгения Онегина» в казахской степи фактом превращения Пушкина в героя казахского фольклора. Отмечено Абдрахмановым и особое место двух переводов К. Шангытбаева, 1949 и 1985 годов, сохранившего онегинскую строфу в ритмике перевода. С учетом силлабической системы казахского стихосложения, созвучного агглютинативной структуре казахского языка с его сингармонизмом, переводческий опыт Шангытбаева длиной в 36 заслуженно признан лучшим на сегодняшний день.

На восприятие казахских переводов Пушкина, в том числе Абая, длительное время оказывала влияние точка зрения М. Ауэзова. Писатель и академик назвал Абая «не переводчиком, а вольным толкователем» [3] и противопоставил ему перевод И. Джансугурова, явившийся результатом исследовательского подхода. Мнение переломил академик З. Ахметов, посвятивший переводу «Евгения Онегина» Абаем статью «Пушкин и Абай» [5]. Развитием идей Ахметова является работа современных казахстанских ученых, посвященная исследованию перевода романа Пушкина Абаем с позиций коммуникативной природы [16]. Объектом изучения, как и в статье Ахметова, стали 8 песен-признаний героев в любви. Это «Онегиннің сипаты» («Жасынан түсін, билеп сыр бермеген») – «Портрет Онегина» («С юности умел скрывать чувства»), «Татьянаның Онегинге жазған хаты» («Амал жоқ – қайттым білдірмей») – «Письмо Татьяны к Онегину» («Нет выхода, не в силах я молчать, О, как я могу сказать!»), «Онегиннің Татьянағы жауабы» («Таңғажайып, бұл қалай хат») – «Ответ Онегина Татьяне» («Удивительно это письмо»), «Онегиннің сөзі» («Хатыңнан жақсы ұғындым сөздің бәрін») – «Песня Онегина» («Я все понял по твоему письму»), «Онегиннің Татьянағы жазған хаты» («Құп білемін сізге жақпас») – «Письмо Онегина Татьяне» («Я знаю точно, что Вам не доставит удовольствия»), «Татьяна сөзі» («Тәңрі қосқан жар едің сен») – «Песня Татьяны» («Ты был возлюбленным от Бога»), «Ленский сөзінен» («Барасың қайда, қайда болмай маған») – «Из песни Ленского («Куда, куда удаляетесь от меня»)), «Онегиннің өлердегі сөзі» («Жарым жақсыкіім киіп») – «Предсмертное слово Онегина» («Любимая надела лучшую одежду»). Сопоставительный анализ оригинала и перевода в упомянутой статье построен на изучении способов передачи эпистолярного сюжета и эпистолярной формы, адаптации романа к сознанию адресата перевода, трансформации любовной переписки героев. Новизна подхода в цитируемой статье заключается в обосновании взгляда на историю казахской литературы в аспекте перевода-переложения

как результата жанровой трансформации. Авторами установлены факторы жанровой трансформации романа в казахском переводе.

Обобщение исследовательских подходов к изучению казахстанской пушкинианы позволяет поставить проблему «пушкинского текста». Обособление «пушкинского текста» как ядра казахстанской пушкинианы обусловлено возможностью обобщения ряда констант. Во-первых, это центральное положение Пушкина, его личности, биографии и творчества как героя, объекта и предмета культурного и общественного сознания в Казахстане. Во-вторых, это единство содержания, определяющегося образом и судьбой Пушкина, пушкинской картиной мира, пушкинскими мотивами. Разные направления и формы бытования «пушкинского текста» сформировали особый диалог культур, русской и казахской. Этот диалог способствует постановке такой проблемы, как обновление литературного процесса в Казахстане новыми героями, жанрами, стилями. Здесь очевидны результаты не только собирательской, биобиблиографической и текстологической работы, но и переводоведческой деятельности. Проследить становление и историю «пушкинского текста» в хронологическом и жанровом составе становится возможным в процессе обобщения фактов историко-культурного значения и систематизации теоретических вопросов его осмысления.

Актуальность обозначенной проблемы обусловила цель настоящей статьи – представить обзор направлений и форм бытования «пушкинского текста» как диалога русской и казахской культур. Отсюда решение задач: 1) выявить и описать основные этапы становления и истории «пушкинского текста», 2) обосновать жанровый состав казахстанской пушкинианы, 3) установить связь между историко-культурными фактами и теоретическим его осмыслением.

Разные способы трактовки «пушкинского текста» и обстоятельства его формирования дифференцируются по следующим направлениям:

- биографический, мировоззренческий и историко-культурный контекст проблемы, связанный с поездкой писателя в степи казахского Приуралья;
- роль песенного фольклора оренбургских казаков как источника эпиграфики в «Капитанской дочке»;
- «диалог» Пушкина и Абая: коранический текст русской и казахской культур;
- перевод «Евгения Онегина» Абаем и его роль в казахской литературе, музыке, театре;
- «возвращенная» казахстанская пушкиниана: переводы русского поэта репрессированными казахскими поэтами Ш. Кудайбердиевым, И. Жансугуровым, Ж. Аймауытовым, К. Аманжоловым;

- посвящения Пушкину как литературно-поэтическое направление;
- «пушкинский текст» П. Васильева.

Поездка Пушкина в Приуралье, захватывающего и территорию современной Западно-Казахстанской области, окружена мифами и загадками. Так, известный факт о сборе материалов, касающихся крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева в связи с созданием «Капитанской дочки», затронул три дня из жизни писателя. Пушкин, получив высочайшее разрешение, работал с архивами, осматривал мятежную столицу Берды, крепость и пути к ней, составлял топологию и карту трагедии, встречался со стариками – очевидцами событий. В предисловии к «Истории Пугачева» А. С. Пушкин заметил: «Сей исторический отрывок составлял часть труда, мною оставленного. В нем собрано все, что было обнаружено правительством касательно Пугачева... Также имел я случай пользоваться некоторыми рукописями, преданиями и свидетельством живых» [11, с. 5]. Помимо истории Белогорской крепости, архив Пушкина сохранил запись казахского романтического эпоса – сказания о Козы-Корпеше и Баян-сулу. Возвращаясь в Петербург, он писал Наталье Пушкиной: «Я и в коляске сочиняю» [13, с. 100].

Научной проблемой, представляющей интерес в аспекте заявленной темы, является роль песенного фольклора оренбургских казаков как источника эпиграфов в «Капитанской дочке». Из 14 эпиграфов, предваряющих главы повести, пять связаны с Пугачевым и пугачевщиной. Это эпиграфы к главам: II «Вожатый», III «Крепость», VI «Пугачевщина», VII «Приступ», VIII «Незванный гость». Эти эпиграфы можно обнаружить в издании «Собрание разных песен» Чулкова. Эпиграф к главе II «Вожатый» (*Сторона ль моя, сторонушка*) взят из «Собрания разных песен» Чулкова (ч. III, № 167). Это отрывок из песни о молодом солдате, отправившемся на службу в далекие края. Мотив «стороны незнакомой» обретает характер судьбоносного и исполнен безысходности. Глубина психологического параллелизма конструируется обусловленностью судьбы как признания «доброего молодца»: *Что не сам ли я на тебя зашел*, образом «доброего коня». Горестное сознание, кручины: *Прытость, бодрость молодецкая / И хмелинушка кабацкая* – причина того, что занесло в сторону незнакомую, выдержано в стиле старинной народной песни.

Эпиграф к главе III «Крепость» (*Мы в фортеции живем*) представляет имитацию солдатской песни, предположительно написанной Пушкиным. Основание для такого допущения кроется в созвучии событий в Белогорской крепости, не готовой к отражению атак врага, отсюда шутивное изображение репетиции престарелых солдат. Однако воинский дух, готовый к отпору, также осмыслен в формулах параллелизма, типичного для песни: *Хлеб едим и воду*

пьем; // А как лютые враги / Придут к нам на пироги, // Зададим гостям пирушку: // Зарядим картечью пушку.

Эпиграф к главе VI «Пугачевщина» представляет собой отрывок из песни о взятии Казани Иваном Грозным («Новое и полное собрание российских песен», ч. 1. М., 1780, с. 156, № 125). Эпиграф перекликается с драматичной сценой взятия Белогорской крепости пугачевцами. Обращение к старине и народной мудрости, установка на послушание: *Вы, молодые ребята, послушайте, // Что мы, старые старики, будем сказывать*, – имитирует назидание в грамматических формах устной речи казаков.

Эпиграф к главе VII «Приступ» представляет собой отрывок из песни о казни стрелецкого атамана: «Голова ль ты моя, головушка, Голова моя послуживая» («Новое и полное собрание российских песен», ч. II. М., 1780, № 130). Формульная поэтика возрождает традиции фольклорного мироощущения. Сочетание приемов солдатской песни: *Голова моя, головушка, // Голова послуживая!*, аксиология: *Ах, не выслужила головушка / Ни корысти себе, ни радости, // Как ни слова себе доброго / И ни рангу себе высокого*, смертельный код: *Только выслужила головушка / Два высокие столбика, // Перекладинку кленовую, // Еще петельку шелковую* с хронотопом, характерным для историко-героического жанра: *Ровно тридцать лет и три года*, – предваряет содержание главы, посвященной смерти капитана Миронова.

Эпиграф к главе VIII «Незванный гость»: *Незванный гость хуже татарина*, – пословица, содержащая фабульный посыл к нашествию пугачевцев на Белогорскую крепость. Уподобление Пугачева и его сподвижников реконструирует точку зрения дворянства на них как на бунтовщиков и разбойников.

В ракурсе экзотического регионального компонента следует выделить песню о Пугачеве «Изъ Гурьева городка».

Изъ Гурьева городка
Протекла кровью рѣка.
Из крѣпости из озерной
На подмогу Разсыпной
Высланъ капитанъ Суринъ
Со командою одинъ.
Онъ нечаянно въ крѣпость въехалъ,
Начальниковъ перевѣшалъ,
Атамановъ до пяти,
Рядовыхъ сотъ до шести.

Информантом песни явился С. Н. Севастьянов, использовавший в качестве источника статью «Пушкин в материалах публичной библиотеки» из 90-го номера газеты «Сын Отечества» за 1899 год.

Еще одна научная проблема, привлекающая внимание к формированию «пушкинского текста», – духовная и философско-религиозная, позволяющая описать диалог Пушкина и Абая в контексте коранических образов, сюжета, идей и жанра. Исследования, посвященные роли Востока в мировоззренческом и художественном сознании Пушкина, позволили выявить в русском ориентализме пушкинскую ветвь. Пушкин писал о «святых заповедях Корана»: «Многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом» [15, с. 18]. Пушкин признавался: «Слог восточный был для меня образцом, сколько возможно нам, благоразумным, холодным европейцам. <...> Европейец и в упоении восточной роскоши должен сохранить вкус и взор европейца. Вот почему Байрон так прелестен в "Гяуре" и в "Абидосской невесте"» [12, с. 174] ‘Апостол Мухаммада’, как называли Пушкина друзья, в своих произведениях охватил положения 33 сур Корана из имеющихся 114 [1, с. 25]. Возможно, что «именно знакомство с исламом побудило Пушкина обратить серьезное внимание на место православия в сознании русского человека. В каком-то смысле Коран заставил нашего поэта всерьез задуматься над православными заповедями» [9, с. 5]. Исследователи включают в коранический текст Пушкина его «Подражания Корану», «Бахчисарайский фонтан», «Пророк». Пушкинскому кораническому тексту созвучна книга Абая «Слова назидания» и его философская лирика о жизни и смерти, душе и духовных исканиях. Слова Абая из книги философской прозы «Гаклии (Слова назидания)» [17, с. 95–194]: «... вера должна быть сознательной» (13 слово, перевод В. Шкловского) [10, с. 344], «Но бог говорит, что каждому разумному человеку вменяется в обязанность иметь благочестие и каждому, имеющему благочестие, вменяется в обязанность повиновение» (28 слово,) [10, с. 372], – сформировали лирико-философскую концепцию, типологически созвучную мыслям Пушкина. Размышления казахского поэта: «Легко ‘Аллах’ произнести, но бога чти не на словах, ты в сердце веру обрети, а все иное – только прах» и «Человек, изучавший культуру и язык иного народа, становится с ним равноправным...», – отражают мировоззренческие позиции просветительской философии, поднимавшей казахского мыслителя выше его среды и времени. В числе 45 слов-назиданий встречается и опыт трактовки религиозных догматов. Мухтар Ауэзов проницательно охарактеризовал «Слова назидания» как «скорбную исповедь человека, обреченного на одиночество» [4].

Общность дидактических наставлений у Пушкина и Абая, продиктованная понятиями милосердия и сострадания, апеллируют к мудрости Корана. Пушкинское «Люби сирот и мой Коран дрожащей твари проповедуй», «Мужайся ж, презирай обман, стезёю правды бодро следуй» обрело продолжение в названной книге Абая. Неслучайно Г. Бельгер заметил: «В великих людях есть некий общий фермент духовности. Он выражается в единстве, в родственности духа, в страстном, целеустремленном порыве к Истине, к Красоте, к Жизни. Таковы Пушкин и Абай» [6, с. 23].

Жизнь Пушкина в казахских переводах – история, имеющая периодизацию и повороты в осмыслении. Первое знакомство казахского народа с произведениями А. С. Пушкина состоялось благодаря переводам Абая, Молданияза Бекимова, Шакарима, Ахмета Байтурсынова, Миржакыпа Дулатова, Бекета Отетилеуова, Кошке Кеменгерулы, Бернияза Кулеева [20]. Наиболее известные переводчики Пушкина на казахский язык советского периода, периода расцвета художественного перевода литератур народов СССР на русский язык, – А. Найманбаев, К. Шангытбаев, Т. Жароков, А. Тажибаев, А. Оразакын, Ж. Молдагалиев, К. Жармагамбетов, Б. Алдамжаров. Это также Г. Орманов, С. Жиенбаев, К. Бекхожин, К. Сатыбалдин, Б. Булкышев, М. Алимбаев, С. Мауленов, Г. Каирбеков, И. Мамбетов. История переводов Пушкина на казахский язык восходит к 1880-м годам XIX века. И в XX веке ее можно дифференцировать на 2 периода: до 1918 г. и начиная с 30-х гг. XX века.

Отбор произведений Пушкина для перевода и хронологию переводов отражает таблица 1.

Таблица 1

Периодизация переводов А. Пушкина на казахский язык. 1880–1918 гг.

Произведение А. Пушкина	Переводчик	Время перевода
«Евгений Онегин»	Абай	1887–1889
«Капитанская дочка»	М. Бекимов	1903
«Дубровский», «Метель»	Шакарим (в жанре поэм)	1903–1909
«Конь», «Песнь о вещем Олеге», «Вольтер» и сказки «Золотой петушок», «Сказка о рыбаке и рыбке»	А. Байтурсынов	1903–1909
«Цветок»	М. Дулатов	1903–1909
Часть строф седьмой главы «Евгения Онегина»	Б. Отетилеуов	1903–1909
«Пророк»	Б. Кеменгеров	1915
«Соловей и роза», «Брожу ли я вдоль улиц шумных»	Б. Кулев	1918

Как видно из таблицы, отбор произведений Пушкина для перевода отражает личные, эстетические и книжные предпочтения переводчика. Основной переводческой установкой, объединяющей приведенные переводы, является популяризация творчества А. Пушкина, интерес к философской лирике и литературной сказке. Если философская лирика близка поэтам онтологическим реализмом, метафизической направленностью, то литературная сказка – новый для казахской культуры жанр.

Переводы произведений Пушкина в 30-е гг. XX века – в преддверии празднования 100-летия русского писателя – отражены в таблице 2.

Таблица 2

Периодизация переводов А. Пушкина на казахский язык. 30-е гг. XX века

Произведение Пушкина	Переводчики
«Евгений Онегин», поэма «Гавриилиада», стихотворения «Желание», «Узник», «Смерть поэта»	И. Жансугуров
«Кавказский пленник», поэмы «Цыганы», «Братья-разбойники», «Граф Нулин», «Домик в Коломне», «Прощание»	Т. Жароков
«К морю», «Деревня», «К Керн», «Соловей» и поэма «Бахчисарайский фонтан»	К. Тогызаков
«Медный всадник»	М. Даулетбаев
«Руслан и Людмила», «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях»	А. Тажибаев
«Полтава»	С. Талжанов

Следует отметить практически единственный до настоящего времени перевод «Скупого рыцаря», сделанный в 1926 году Ж. Аймаутовым. Возвращение перевода стало возможным благодаря реабилитации переводчика.

По таблице можно судить о расширении круга пушкинских текстов, стремлении переводчиков к созданию целостного портрета Пушкина – автора поэм, сказок.

Активные переводчики Пушкина – репрессированные писатели, чье творчество вернулось к читателю во 2-ой половине 80-х гг. XX века, были в советское время по понятным причинам вне упоминаний. И поэтому сложилась парадоксальная ситуация: переводы конца 40-х гг. XX века, например, перевод З. Кабдуловым «Сказки о рыбаке и рыбке» (1949) или С. Жиенбаевым в 70–80-е гг. «Сказки о золотом петушке» воспринимались читателем как первые переводы сказки Пушкина. Между тем еще в 30-е гг. первым их перевел А. Байтурсинов, лидер партии Алаш-Орда.

По-прежнему сохраняет характер острой научной проблемы издание критически выверенных изданий Пушкина на казахском языке. Значимость проведения текстологической работы очевидна. Приведем в сравнение обновление изданий Абая на казахском языке, в том числе его переводов М. Лермонтова, которое позволило разграничить (хотя проблема не решена до конца) оригинальные произведения и переводы русского и казахских поэтов.

Одним из этапных для «пушкинского текста» является издание произведений А. С. Пушкина в 3 томах на казахском языке под общей редакцией С. Сейфуллина (таблица 3).

Таблица 3

Издание произведений А. Пушкина в 3 томах на казахском языке

Том	Произведения А. С. Пушкина
1 (1936)	Стихи и поэмы. «Руслан и Людмила» (перевод А. Тажибаева), «Кавказский пленник» (перевод Т. Жарокова), «Гавриилиада» (перевод И. Джансугурова), «Братья-разбойники» (перевод Т. Жарокова), «Бахчисарайский фонтан» (перевод К. Тогызакова), «Цыганы», «Граф Нулин», «Домик в Коломне» (все в переводе Т. Жарокова), «Медный всадник» (перевод М. Даулетбаева)
2 (1937)	Стихи и поэмы. «Руслан и Людмила» (перевод А. Тажибаева), «Кавказский пленник» (перевод Т. Жарокова), «Гавриилиада» (перевод И. Джансугурова), «Братья-разбойники» (перевод Т. Жарокова), «Бахчисарайский фонтан» (перевод К. Тогызакова), «Цыганы», «Граф Нулин», «Домик в Коломне» (все – в переводе Т. Жарокова), «Медный всадник» (перевод М. Даулетбаева)
3 (1937)	Варианты перевода повести «Дубровский». Г. Бельгер: «В третьем томе, посвященном прозе Пушкина переводчик зачеркнут; «Капитанская дочка» – переводчик К. Тайшанов; «Станционный смотритель», «История села Горюхина», «Пиковая дама» – переводчик К. Сагындыков, из членов редколлегии уцелел один Т. Арыстанбеков – остальные две фамилии вымараны. Замазан тушью и ответственный редактор» // Бельгер Г. Этюды о переводах Ильяс Джансугурова. Алматы: Ғалым, 2001. С. 83.

В 2000-е гг. писатель и известный общественный деятель Г. Бельгер написал о фактах замазывания чернилами в памятном юбилейном издании имен переводчиков, ставших жертвами репрессий [7]. Парадоксально в этом

смысле, но в 1-м томе собрания сочинений Пушкина на казахском языке сохранены имена всех переводчиков, в том числе попавших под каток репрессий И. Джансугурова, С. Тайжанова, ответственного редактора С. Сейфуллина. Во втором томе (1937 год) уже через год была «вымарана», по словам Бельгера, фамилия редактора, ответственного секретаря редакции и И. Джансугурова, переводчика «Евгения Онегина» и 29 стихотворений. Было зачеркнуто имя переводчика «Дубровского» и «Капитанской дочери» К. Тайшанова, «Станционного смотрителя», «Истории села Горюхина», «Пиковой дамы» К. Сагындыкова [7, с. 83]. Другой вехой «пушкинского текста» с позиции издательской судьбы явился выпуск к 150-летию поэта антологии в Алма-Ате в 1949 г. под редакцией М. Ауезова.

В «пушкинском тексте» важно описать и жанр посвящений русскому поэту. Влияние национальной картины мира на жанр выделило группу стихотворений, авторами которых явились Т. Айбергенов, Ш. Сариев, М. Макаатаев, М. Еримбетов, Д. Абилев, Ж. Кожабергенов, К. Сатыбалдин. Образцами жанра являются «Ақынның ескреткіші» (Памятник поэту) К. Аманжолова (также репрессированного) и «Асқан бұлбұл» (Пушкинге) (Превзошедший соловья) (Пушкину) Дж. Джабаева.

В стихотворении К. Аманжолова, посвященном 150-летию со дня рождения А. Пушкина, система параллелизмов: сад, в котором стоит памятник поэту, образы соловья и розы; душа, волнение которой подобно океану и цветущему в мае саду, – становятся инструментами передачи не только охватывающего лирического героя вдохновения, но и откровения, когда олицетворена каждая встреча с памятником [19].

На слова стихотворения Джамбула Джабаева в 30-е гг. XX века Рамамазан Елебаев написал песню. Лейтмотивом песни являются слова: «*Мәңгі өлмес, асыл сөзді асқан бұлбұл*» (дословно: не умрет, победив навсегда вечность, соловей, превзошедший пением соловья). Эти слова и признание поэта народным заступником, его близости и башкиру, и туркмену, и белорусу, и казаху создают переключку со словами пушкинского «Памятника»: «И назовет всяк сущий в ней язык». Продолжение казахским народным поэтом акыном Джамбулом этнического ряда «дикого тунгуса», «друга степей калмыка» тюркскими народами придает жанру посвящения не только пафос стиля, но и проникновенность и лирически осознанную причастность.

Особняком в «пушкинском тексте» стоит имя и творчество еще одного поэта, принадлежащего так называемой возвращенной и забытой литературе, поэта, принадлежащего и русской, и казахстанской литературе. Это поэт павлодарского Прииртышья, казахстанской части алтайского края – Павел Васи-

льев. Это «юноша с серебряной трубой, возвещающий со стены приход будущего», по словам другого вернувшегося в 80–90-е гг. XX века писателя С. Клычкова. Знаковым является начало литературного пути П. Васильева. Литературный путь Васильева ознаменован стихотворением «Пушкин». Издательская судьба поэта характеризуется неравномерностью и отражает сложный путь его признания. История опубликования произведений П. Васильева отражена в таблице 4.

Таблица 4

История издания сборников и книг П. Васильева в России и Казахстане

Время издания	Издание
1932	«Путь на Семиге». Запрещен
1933	«Стихи». Гранки в отделе рукописей Российской государственной библиотеки
1957	«Избранные стихотворения и поэмы»
1964	Сборник стихов и поэм П. Васильева в Алма-Ате
1966	Сборник в Новосибирске
1968	В серии «Библиотека поэта» вышли «Стихотворения и поэмы»
1977	«Весны возвращаются». М.: Правда
1988	«Верю в неслыханное счастье». М.: Молодая гвардия
2004	Под ред. С. Куняева публикация сборника «Павел Васильев. Сочинения. Письма»
2011	«Лето». Павлодар

Не стала объектом исследования пушкинская рецепция в творчестве П. Васильева. Между тем в переводе Васильевым баллады Р. Бернса «Джон Ячменное зерно» угадывается влияние Пушкина – переводчика сонетов У. Вордсворта. Однако это тема отдельного исследования.

Итак, обзор казахстанской пушкинианы с выделением в ее составе «пушкинского текста» показал перспективность изучения жанровых дефиниций, направлений, структурирующих его, систематизации как историко-культурных, типологических, так и теоретических фактов, проливающих свет на динамику казахского литературного процесса в части обновления жанрами, героями, темами, мотивами, а также научной рецепции. Если ученые в 90-х гг. XX века констатировали роль Пушкина как героя казахского фольклорного сознания еще в XIX веке, то не менее актуальной является задача научного описания русского классика как «героя» массового казахстанского читательского сознания, отличного, например, от деконструкции его в русском литературном постмодернизме.

Список литературы

1. Абдрахманов С. Коран и Пушкин. Астана: Елорда, 2006. 288 с.
2. Ананьева С. В. Казахская Пушкиниана. Последняя четверть XX века – первое десятилетие XXI. Алматы: Жібек жолы, 2009. 291 с.
3. Ауэзов М. О. Абай Кунанбаев. Статьи и исследования / под ред. И. Т. Дуйсенбаева. Алма-Ата: Ғылым, 1967. 389 с.
4. Ауэзов М. Абай Кунанбаев. Институт Абая. Электронный ресурс. URL: <http://abai-inst.kz/rus/?p=30> (дата обращения: 01.03.2021).
5. Ахметов З. А. Пушкин и Абай // Вестник Ленинградского университета. 1949. № 6. С. 60–70.
6. Бельгер Г. Исполины духа. Гете – Пушкин – Абай // Альманах «Литературная Алма-Ата». 2006. № 3. Электронный ресурс. URL: <https://almaty-lit.ucoz.ru/publ/16-1-0-41> (дата обращения: 01.03.2021).
7. Бельгер Г. Этюды о переводах Ильяса Джансугурова. Алматы: Ғалым, 2001. 258 с.
8. Джолдасбекова Б. У., Баратов Ш. М. Исследование творчества Пушкина в литературоведении Казахстана // Вестник КазНУ. Серия филологическая. № 1 (159). 2016. С. 40–44.
9. Казарин В. П. Крым и формирование религиозного сознания Пушкина // Казарин В.П. От античности до наших дней: Избранные работы по литературе и культуре / Крым. центр гуманист. исслед., ТНУ им. В.И. Вернадского, Крым. о-во рус. культуры. Симферополь: Крымский Архив, 2004. С. 84–88.
10. Кунанбаев А. Стихотворения. Поэмы. Проза. М: ГИХЛ, 1954. 415 с.
11. Пушкин А. С. История Пугачева. Предисловие // Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. VII.
12. Пушкин А. С. Письмо П. А. Вяземскому, 1825 // Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. IX.
13. Пушкин А. С. Письмо Н. Н. Пушкиной. 19 сентября 1825 года // Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Том X.
14. Раевский Н. А. Портреты заговорили. Алма-Ата: Жазушы, 1976. 430 с.
15. Пушкин А. С. Подражания Корану. Примечания // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. II.
16. Шоманова Г. К., Рахымбай С. Признаки эпистолярного романа в художественном переводе: «Евгений Онегин» А. Пушкина и поэзия Абая Кунанбаева // Пушкинские чтения – 2021. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXVI Междунар. науч. конф. / отв. ред. проф. Т. В. Мальцева. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2021. С. 42–52.
17. Абай (Ибраһим Құнанбаев). Қара сөздер // Том II. Алматы: Жазушы, 1986. С. 95–194.
18. Абдрахманов С. А. С. Пушкиннің «Евгений Онегин» романының қазақ әдеби және фольклорлық дәстүрендегі орны: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Алматы: Институт литературы и искусства им. М.О. Ауезова, 1999. 30 б.
19. Аманжолов Қ. Аудармалар. Екі томдық шығармалар жинағы / Құрастырған Д.Л. Аманжолова. Алматы: Тенгри, 2001. Екінші том. Аудармалар, дармалық шығармалар. 424 б.
20. Камзабекулы Д. Д. Пушкин және қазақ әдебиеті: рухани тамырластық пен тарихи шындық // Созвучие творчества Абая и Пушкина. Семей, 2006. Б. 13–21.

References

1. Abdrazmanov S. *Koran i Pushkin* [Koran and Pushkin] Astana: Elorda Publ., 2006. 288 p. (In Russian).
2. Anan`eva S. V. *Kazaxstanskaya Pushkiniana. Poslednyaya chetvert` XX veka – pervoe desyatiletie XXI* [Kazakhstan Pushkiniana. The last quarter of the XX century – the first decade of the XXI] Almaty`: Zhibek zholy`, 2009. 291 p. (In Russian).
3. Aue`zov M. O. *Abaj Kunanbaev. Stat`i i issledovaniya. Pod red. I. T. Duisenbaeva* [Abai Kunanbaev. Articles and research. Ed. I. T. Duisenbaeva] Alma-Ata: Fy`ly`m, 1967. 389 p. (In Russian).
4. Aue`zov M. *Abaj Kunanbaev. Institut Abaya* [Abai Kunanbaev. Abay Institute] E`lektronny`j resurs. URL: <http://abai-inst.kz/rus/?p=30> (In Russian).
5. Axmetov Z. A. [Pushkin and Abai] *Vestnik Leningradskogo universiteta* [Bulletin of Leningrad University] 1949. № 6. Pp. 60–70 (In Russian).
6. Bel`ger G. Ispoliny` duxa. Gete – Pushkin – Abaj // Al`manax «Literaturnaya Al-ma-Ata». 2006. № 3. E`lektronny`j resurs. URL: <https://almaty-lit.ucoz.ru/publ/16-1-0-41> (In Russian).
7. Bel`ger G. *E`tyudy` o perevodax Il`yasa Dzhansugurova* [Studies on translations by Ilyas Dzhansugurov] Almaty`: Faly`m, 2001. 258 p. (In Russian).
8. Dzholdasbekova B. U., Baratov Sh. M. *Issledovanie tvorchestva Pushkina v li-teraturovedenii Kazaxstana* [Research of Pushkin's creativity in literary criticism of Kazakhstan] *Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya* [Bulletin of KazNU. Philological series] №1 (159). 2016. Pp. 40–44 (In Russian).
9. Kazarin V. P. *Kry`m i formirovanie religioznogo soznaniya Pushkina* [Crimea and the formation of Pushkin's religious consciousness] *Kazarin V.P. Ot antichnosti do nashix dnei: Izbranny`e raboty` po literature i kul`ture Kry`m. centr gu-manit. issled., TNU im. V.I. Vernadskogo, Kry`m. o-vo rus. kul`tury`* [Kazarin V. P. From Antiquity to the Present: Selected Works on Literature and Culture] Simferopol`: Kry`mskij Arhiv, 2004. Pp. 84–88 (In Russian).
10. Kunanbaev A. *Stixotvoreniya. Poe`my`. Proza* [Poems. Prose] Moscow: GIHL, 1954. 415 p. (In Russian).
11. Pushkin A. S. *Istoriya Pugacheva. Predislovie* [Pugachev's story. Foreword] *Pushkin A. S. Sobranie sochinenij v desyati tomax* [Pushkin A. S. Collected works in ten volumes] Moscow: GIXL, 1959–1962. Tom VII (In Russian).
12. Pushkin A. S. *Pis`mo P. A. Vyazemskomu, 1825* [Letter to P. A. Vyazemsky, 1825] *Pushkin A. S. Sobranie sochinenij v desyati tomax* [Pushkin A. S. Collected works in ten volumes] Moscow: GIHL, 1959–1962. Tom IX (In Russian).
13. Pushkin A. S. *Pis`mo N. N. Pushkinoj. 19 sentyabrya 1983 goda* [Letter to N.N. Pushkina. September 19, 1983] *Pushkin A. S. Sobranie sochinenij v desyati tomax* [Pushkin A. S. Collected works in ten volumes] Moscow: GIHL, 1959–1962. Tom X (In Russian).
14. Raevskij N. A. *Portrety` zagovorili* [Portraits spoke] Alma-Ata: Zhazushy` Publ., 1976. 430 p. (In Russian).
15. Pushkin A. S. *Podrazhaniya Koranu. Primechaniya* [Imitation of the Quran. Notes (edit)] *Pushkin A. S. Sobranie sochinenij v desyati tomax* [Pushkin A. S. Collected works in ten volumes] Moscow: GIHL, 1959–1962. Tom II (In Russian).

16. Shomanova G. K., Raxy`mbaj S. *Priznaki e`pistoljarnogo romana v xudozhestvennom perevode: «Evgenij Onegin» A. Pushkina i poe`ziya Abaya Kunanbaeva* [Signs of an epistolary novel in literary translation: "Eugene Onegin" by A. Pushkin and the poetry of Abai Kunanbayev] *Pushkinskie chteniya–2021. Xudozhestvenny`e strategii klassicheskoj i novoj slovesnosti: zhanr, avtor, tekst: materialy` XXVI Mezhdunar. nauch. konf. / otv. red. prof. T. V. Mal`ceva* [Pushkin Readings-2021. Artistic Strategies of Classical and New Complications: Genre, Author, Text: Materials of the XXVI Intern. scientific. conf. / otv. ed. prof. T.V. Maltseva] St. Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina, 2021. Pp. 42–52 (In Russian).
17. Абай (Ибраһим Құнанбаев). Қара сөздер // Том II. Алматы: Жазушы, 1986. Pp. 95–194 (In Kazakh).
18. Абдрахманов С. А. С. Пушкиннің «Евгений Онегин» романының қазақ әдеби және фольклорлық дәстүрендегі орны: автореф. дис. ... д-ра филол. ғылымдар. Алматы: Әдебиет және өнер институты М.О. Әуезова, 1999. 30 p. (In Kazakh).
19. Аманжолов Қ. Аудармалар. Екі томдық шығармалар жинағы / Құрастырған Д.Л. Аманжолова. Алматы: Тенгри, 2001. Екінші том. Аудармалар, дармалық шығармалар. 424 p. (In Kazakh).
20. Камзабекулы Д. Д. Пушкин және қазақ әдебиеті: рухани тамырластық пен тарихи шындық // Созвучие творчества Абая и Пушкина. Семей, 2006. Pp. 13–21 (In Kazakh).